

Диво дивное

Основано на издании 1915 г

Автор адаптации: Екатерина Литвиненко

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/divo_divnoe/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Диво дивное

I

Жила-была в одной глухой деревеньке старушка, и был у неё сын по имени Иван. Ладно и мирно они жили: мать за домом следила, вкусные яства сыну готовила, а Иван трудился как мог. А мог он многое: и пахал, и сеял, и молотил, и дрова рубил, и на охоту ходил! В общем, парень был на все руки мастер, оттого многие девки в деревне замуж за него выйти мечтали.

Но Иван не торопился жениться, ему нравилась свобода и спокойная жизнь с матушкой. Так, отправила она его однажды на охоту:

— Иди-ка ты, сыночек, зайчика мне подстрели, давненько этого не делал.

Собрался он тогда, ружьё прихватил, да свору своих лучших гончих собак с собой взял, и отправился в лес. Долго бродили они в поисках добычи, долго собаки вынюхивали свою жертву. И вот, наконец, наткнулись на заячий след, помчались по нему, да нагнали зайца. Спрятался тогда Иван за кустарником, присел, прицелился, ожидая, когда собаки зайца прямо к нему пригонят. Но вот что случилось: уж почти выстрелить захотел охотник, как вдруг заяц, вместо того, чтоб бежать без оглядки, резко остановился, повернулся, да как погнался обратно на собак. Иван от удивления глаза раскрыл, рот разинул и ружьё выронил. А заяц между тем так от собак-то и убежал.

Расстроился, конечно, Иван, что оно всё так вышло, да делать нечего, пора было домой возвращаться. По дороге попалась ему одна куропатка, пристрелил её, хоть не с пустыми руками обратно пришёл. Отдал он матери свою небольшую добычу и говорит:

— Ты даже представить себе не сможешь, старая, какое диво дивное со мной приключилось. Почему я, думаешь, желанной добычи тебе и не принёс, хотя ты-то уж точно знаешь, что слыву я отличным охотником во всей округе! Так вот, напали мы с собаками на след зайца, он уже был почти у меня в руках, мчался от моих гончих во всю прыть, как вдруг, когда я уже было собрался спустить курок, затормозил он так резко, весь взъерошился, да на собак моих полетел. А они, испугавшись, помчались прочь. Такие дела, мать.

Выслушала его старушка и говорит:

— Ну что ж, сыночек, разное случается на белом свете, и куропатка нам на ужин пойдёт, да только твои приключения не такое уж и диво дивное! Вот в соседнем селе живёт мужик один по имени Пахом, так у него история куда удивительнее твоей будет!

Ох, интересно стало Ивану, что же такое приключилось с тем мужиком. Еле дож-

дался он воскресенья, сразу после завтрака схватил свою шапку, взял котомку, попрощался с мамёнкой и отправился к нему.

Бодро дошёл он до соседнего села, быстро разыскал там Пахома, поздоровался и с ходу свою историю ему рассказал.

— А теперь удиви ты меня. Матушка мне говорила, будто бы твоя история ещё большее диво дивное, что же такое приключилось, расскажи поскорее, уж очень хочется мне узнать, – стал он просить у мужика.

Недолго думая, усадил его Пахом на скамью во дворе и начал свой рассказ.

II

— Ехал я однажды по лесу, на дровенках лежал тихо мирно, лошадка моя спокойно сквозь чащу пробиралась, да по полянкам трусила. Так вот мы с ней въехали на одну неприметную полянку, как вдруг я вижу – волк прямо на нас уставился. Сидит, смотрит, зубы скалит, сразу видно, что голодный. Ну, думаю, сейчас наскочит, не поздоровится моей лошадёнке, а то и на меня нападёт. Струхнул я, конечно, да некогда уж бояться было, надо было спасать нас обоих, потому что конь-то мой трусоват. Пока раздумывал я, что делать, волк вдруг как подскочил. А я тут же топор схватил и по спине его огрел, да с испуга так сильно, что на две части располовинил его. Думал, уж, конечно, помрёт он, да не тут-то было. Обе волчьи половинки в разные стороны разбежались и в лесу скрылись. Вот уж это действительно диво дивное!

Согласился с ним Иван, как слушал с открытым ртом, так с открытым ртом и закивал.

— Да только ведь даже моя история не удивительней всех. – Добавил Пахом. – Живёт в соседней деревушке старик Еремей, вот он точно диво дивное увидал на своём веку.

Интересно стало Ивану, что же это там приключилось, разузнал он, где живёт этот старик. Потом поблагодарил Пахома и отправился домой.

Целую неделю прожил он как на иголках: работалось ему хуже, кушалось совсем плохо, всё никак не мог перестать думать, что где-то диво дивное произошло, а он об этом не знает. И вот, в воскресенье с самого раннего утра, умчался Иван из дома в поисках очередной диковинной истории. Сначала дошёл он до того села, где Пахом живёт, поприветствовал его и дальше немедленно отправился. Прошагал ещё десять вёрст и пришёл в ту глухую деревеньку, которую искал. Расспросил местных, где найти старца Еремея. Указали ему на покосившийся неказистый домик на обочине возле леса, туда Иван и пошёл.

— Здравствуй, дедушка. – Сказал он как только вошёл на двор.

— Здравствуй, путник. Что такого забыл ты здесь? Редко ко мне гости заглядывают,

неужто причина имеется?

Тут рассказал Иван как на духу всё, что с ним произошло, а потом про Пахома добавил, а в конце сообщил, что пришёл он услышать самую дивную историю.

Усадил его Еремей на скамью и начал свой рассказ.

III

— Давным-давно жил у нас в деревне мужик по имени Антон, был у него сын Васька. С Васькой мы дружили, потому что нам обоим в ту пору лет по 15 было. А ещё мы оба любили мяч гонять. Вот так, бывало, выйдем на улицу спозаранку, да весь день мяч и гоняем! Ни обед нам не нужен, ни что другое, докричаться до нас никто не мог, как увлечённо мы играли.

А ещё возле нашей деревни Волга протекает, ну это ты, пожалуй, видел, когда подходил. Так вот мы обычно возле неё играли, там, где особо широкое место у реки. Однажды так мы увлеклись, что Васька очень сильно пнул мяч, и прям на другой берег его отправил. Сам не ожидал, что так выйдет, расстроился жутко, мяч-то у нас один на всех был. И, как назло, всё так сложилось, что в тот день ну никак не перебраться на другой берег было: моста там не бывало никогда, переплыть невозможно, слишком широкая река, а лодка, которая возила нас, разбились тем самым утром. Так и стояли мы, вдаль глядя, молчали да не знали, что поделать.

Побежал тогда Васька к отцу, пожаловался. Пришёл Антон к нам и говорит:

— Ну, ребяташки, никак вам без мяча не повеселиться совсем? – закивали мы в ответ, а сами ждём, что он дальше делать будет. – Покажите мне, куда он упал, видел ли кто поточнее?

— Да вон за то дерево упал, – сказал Васька, а мы все закивали и пальцами показывать стали.

Подумал Антон, подумал, да и пошёл к себе на двор. Пока мы шептались, смотрим, а он обратно идёт, а с собой быка ведёт. Подошёл он прямо к берегу, а мы толпой за ним, интересно ведь, что он делать будет. А он взял быка за хвост, намотал его на руку, давай быка раскручивать, да так вместе с ним на другой берег и перелетел. Нашёл он там мяч, в карман спрятал, снова бычий хвост на руку намотал, раскрутил его, да и вернулся к нам с быком и с мячом.

Так что вот тебе диво дивное, а мои глаза тому два свидетеля будут! Только, друг мой, даже это не самое удивительное, что есть на свете. Живёт отсюда в пятнадцати вёрстах старик Федул. Вот он точно диво самое дивное видел!

Поблагодарил Иван Еремея за рассказ, а сам уже думает:

— Если пойду сейчас домой, то до Федула на пять вёрст больше топать придётся. А не лучше ли мне сразу к нему и отправиться, так и время сэкономлю и силы поберегу.

Так и решил: пошёл на поиски очередного дива вместо возвращения домой. Очень уж был Иван любопытен.

Шёл он день, другой, третий. Наконец нашёл ту деревню, о которой ему старичок Еремей рассказывал, быстро он там Федула отыскал. Пришёл к нему на двор, а тот лежит на завалинке и пение птичек слушает. Увидел дед незнакомца и стал спрашивать:

— Кто такой будешь? Зачем ко мне пожаловал?

— Зовут меня Иваном. Пришёл я к тебе по совету одного старика, говорят, ты видел диво дивное, самое невероятное на всём свете белом, – сказал путник, а потом и всю свою историю поведал. – Так что прошу, расскажи ты мне, какое такое диво дивное с тобой приключилось, уж больно мне интересно.

— Отчего ж не рассказать, – начал Федул. – Садись ко мне поближе да слушай.

IV

— Была у меня раньше жена. Сейчас её уж давно нет, да и я старый-престарый стал, руки трясутся, волосы седые до самых кончиков, ну да речь не об этом. В ту ещё пору, когда мы с женой вместе жили, всё и приключилось. Она у меня, знаешь, была презлющая. О чём с ней ни заговоришь, в ответ только брань слышишь да шипение сквозь зубы. Иной раз и начинать разговоров-то не хотелось, да как без них совсем?

В общем, жилось мне совсем худо. Думал я, гадал, что мне делать с этой бабой, да придумал только одно: выпороть её надо хорошенько. Так вот однажды, когда она в очередной раз начала злобствовать, да во всех своих бедах меня обвинять, схватил я верёвку и закричал:

— Ну, жена моя законная, нет уж больше сил у меня слова твои бранные да крики безумные спокойно слушать. Терпел я много лет твои бесчинства, но пришёл этому конец, хорошенько я тебя сейчас выпорю, чтобы ты место своё в доме-то знала...

А сам-то я не знал ещё тогда, на ком женился, на что она способна. Не успел мысль свою закончить, как схватила она палку, ударила меня по спине и прокричала:

— Ходил ты, муженёк, всю жизнь человеком, а коль такой умный, что решил меня выпороть, обернись-ка ты псом чёрным и продолжи свой век на четырёх лапах доживать.

И как только она договорила это, превратился я в чёрного пса. С тех пор так и стал я жить, как дворняга безродная. Целыми днями возле её окон околачивался, скулил жалобно, всё надеялся, что смилуется жена надо мной и обратно человеком сделает. Да не тут-то было. Наоборот, она только то делала, что причиняла мне боль: камнями в меня швырялась, ногой пинала, палкой даже по спине била. А при этом ещё ни капельки меня не кормила. Так и ходил я по двору полуголодный, вечно побитый да крайне несчастный. Бывало, хоть кость какая-то найдётся – и то становилось для меня праздни-

ком. Но жизнь мне моя не мила стала совсем. Долго я горевал, пока, наконец, не решился уйти куда глаза глядят. Уж баба моя меня не держала, только вслед ещё проклятиями сыпала.

А я недолго бродил в одиночестве. Увидал вскоре стадо из соседней деревни, которое один пастух сторожил, и прибил к нему. Стал я ему помогать, старался! Он это заметил, сразу же меня накормил. Пуще прежнего тогда захотел я стараться, и так я и остался при этом стаде жить, овечек с коровками пасти, а за это кормил он меня всегда досыта! Но, надо отметить, я в своём новом ремесле отлично преуспел: коли какая овца или корова от стада отобьётся, я её тут же обратно пригонял. Волки от меня пощады не знали. Так яростно я их гонял, что перестали они вовсе к нам моему близко подходить, а может и совсем в другие леса ушли, ходили слухи.

Вскоре я стал так хорошо работать, что мой пастух даже из деревни не выходил, потому, как я за него всю работу отлично делал. Ни разу ни одной овечки у меня не пропало! За это он полюбил меня сильно, кормил как собственного друга, обнимал и даже спать у себя в доме разрешал.

А однажды что приключилось! Заснул пастух возле дороги, да такой уставший был, что долго проспал. Тем временем я повёл стадо к водопою, и получилось, что далеко так мы ушли, даже почти из виду скрылись. А по дороге в эту же пору ехал барин. Увидел он, что пастух вовсе не следит за овечками да коровками, возмутился:

— Что это ты, пастушок, так худо работу свою выполняешь? Где ты, а где стало твоё? Или совсем тебе не страшно, если вдруг волки нападут или кто решит овечку украсть?

— Не сердись, барин – отвечал ему уверенно пастух. – При моём стаде есть чёрный пёс, я ему полностью доверяю, с ним никто и близко не подойдёт, даже нет смысла пытаться кого-то утащить.

— Что это ты такое выдумал, лентяй? Не верю я тебе и докажу это. Вот прямо сейчас пойду и утащу одну овцу. Посмотрим, что ты на это скажешь. А то смотри-ка, что удумал – на пса какого-то безродного свою работу перекладывать. – Выпалил барин, и видно было, что крепко он рассердился.

— Зря клеветешь на моего пса. Я вот что придумал, чтобы было по-честному: коли вправду уведёшь кого из стада – забирай всё моё жалование за целый год! А коли нет – будь добр заплатить мне 200 рублей!

Подумал немного барин и согласился. Был он уверен в своей правоте и не переживал. Пошёл он к стаду, догнал его, хотел было коровку одну ухватить, да я как запрыгнул на него, он даже заикаться стал от неожиданности. Облаял я его как мог, он и помчался прочь, только пятки сверкали. Честно выплатил он пастуху 200 рублей, за что тот меня ещё пуще прежнего полюбил! Так и прожили мы с ним ладно до самого

конца осени. Но в какой-то момент взгрустнулось мне сильно, потянуло домой.

Стал я с пастухом прощаться, все руки ему вылизал. Видно было, как не хотел он со мной расставаться, да и удержать меня не мог. Так под вечер пригнал я стадо своё в последний раз и умчался прочь. Прибежал я к дому своему в надежде, что баба моя смилуется, обратно в человека меня превратит. Стал выть под окном. Тут она из хаты выскочила, сразу же палкой меня огрела и завизжала:

— Ах ты, окаянный, опять нагрязнул? Ну, раз худо тебе псом живётся, поживи-ка ты теперь снегирём.

Тут же превратился я в красногрудую птичку и взлетел на дерево. Сразу даже стал понимать птичий язык! В новом теле жилось мне поначалу совсем неплохо, по осени на полях много зёрен, всегда сытый и тёплый летаешь, жизни радуешься. Но вот наступила зима, стало жутко холодно и также голодно. Бывали такие дни, что ни крошки в клювик не попадёт за день, ни зёрнышка единого, засыпаешь голодный. Однажды в поисках еды и пристанища потеплее, прилетел я в какую-то деревню, залетел на первый попавшийся двор, сел на веточку. А рядышком воробушек присоседился и говорит:

— Смотри, снегирь, внизу мальчишка сын колдуна ловушку для нашего брата выстроил. Знаю, ты наверняка такой же, как я голодный, так вот будь осторожен!

— А что за колдун такой, я спросил. Добрый или наоборот?

— Колдун-то добрый, да только пировать в неволе хуже, чем голодать на свободе.

— Так-то оно так, для птиц уж наверняка. Только я не птица, – и с этими словами кинулся я напрямиком в ловушку. Наелся там досыта и стал ждать, когда сынишка колдуна меня оттуда вытащит.

Ждать мне пришлось недолго. Прибежал мальчишка и достал меня, сразу понёс отцу показывать.

— Смотри, папенька, какого красивого снегиря я в свою ловушку поймал! А ты говорил, никакая птица не клюнет! А мне вот как повезло! – и протянул ему меня. – Буду его в клетке своей держать, кормить, поить, грамоте учить!

Взял колдун меня в руки, повертел, покрутил и сказал сыну:

— Снегирёк, конечно, хорош, только не будет он у тебя в клетке жить, потому как не птица это, а человек.

Тут он дунул на меня, и обернулся я наконец-то снова мужиком. Не было предела моему счастью. Так долго ждал я этого момента. Раскланялся я в благодарностях, даже почти расплакался. А колдун и правда очень добрый оказался, выслушал он мою историю и сказал:

— Натерпелся ты, Федул, немало. Коли хочешь, так научу я, как бабу твою про-

учить, чтоб неповадно было так над людьми измываться. Вот тебе прутик, ты возьми его обязательно только в правую руку, хлестни её сзади по правому плечу да скажи «Ходила ты раньше бабою, а теперь побегай ослицей».

Поблагодарил я колдуна от всей души, взял прутик и отправился в свою родную деревню.

Долго ли коротко ли, нашёл я дорогу до дома, но сразу к жене своей в избу заходить не стал. Притаился за сараем в ожидании, когда она выйдет. Несколько часов там просидел, но вот дверь в хате открылась: жена вышла на порог и пошла как раз мимо того сарая, где я прятался. Выскочил я внезапно, по правому плечу ей как дал прутиком со словами:

— Ходила ты раньше бабою, а теперь побегай ослицей!

Пикнуть она не успела, как обернулась ослицей и заблеяла жалобно. Пошёл я в избу, интересно уж больно было, как она там без меня столько времени прожила, а она за мной хвостиком так и увязалась. И даже показалось мне, что хочет за всё прощения попросить, но уж слишком зол я был за все выходки, слишком много мне пережить пришлось. Так что отправил я её в сарай. С тех пор жила она так, кормил я её гнилой соломой да использовал в хозяйстве, как только мог. Прошло два года, но уж больно жалко мне её стало, успокоился я, решил отправиться к тому самому колдуну и узнать у него, как ослицу обратно в жену мою превратить.

Легко я нашёл снова к нему дорогу, оказалось, многие его знали в окрестных деревнях за его благие дела и доброе сердце. Узнал меня колдун, как только я на дворе показался, и всё понял:

— Что, – говорит, – наигрался ты, Федул? Оно и верно! Знаю, зачем ты пожаловал ко мне, вот возьми другой прутик, ударь им ослицу слева и скажи «Довольно ты ослицей находилась, обернись снова моей женою верной».

Дал мне колдун этот прутик и отправил восвояси. Поблагодарил я его, конечно, поклонился до земли, и в свою деревеньку двинулся. Когда вернулся домой, зашёл я в сарай, встретила меня ослица моя жалобным стоном, как обычно, но я её погладил по голове, успокоил, тут же прутиком с левой стороны ударил и слова заветные произнёс. Превратилась вмиг ослица в жену мою. Как же она была этому рада. Тут случилось чудо, от былой её злости не осталось и следа, стала она покладистой и доброй, во всём мне служила и нравом кротким на всю округу прославилась. Так что прожили мы с ней душа в душу ещё очень много лет до самой её смерти. А уж как сильно друг друга любили, так я горевал, когда её не стало. Но что поделаешь, время пришло. Вот какое диво дивное со мной приключилось, Иван! Да только представь себе, и это не самое удивительное, что на свете бывает. Живёт отсюда в ста вёрстах старый Никифор, вот

кто точно самое дивное диво видал!

У Иванушки от таких новостей даже глаза загорелись! Он сразу же представил, как разыскивает старца, рассказывает ему про весь путь, который он уже проделал, да как старец рассказывает ему свою историю. Напрочь забыв о собственном доме и матушке, которую он оставил совсем одну, он сразу же расспросил Федула о том, где живёт Никифор, и, ни минуты не теряя, отправился к нему. Шёл он шесть дней и шесть ночей, не ел, не спал, но сил у него лишь прибавлялось. На седьмой день отыскал он деревню, а в ней деда Никифора. Тот сидел на лугу, грелся на солнышке и кушал пряники. Присел Иван рядом и говорит:

— Здравствуй, добрый старец. Привело меня к тебе дело крайне важное. Слыхал я, что видел ты диво дивное, какое другие люди то и не знают. Поведай мне свою историю, – попросил он, а сначала поведал ему о своих приключениях и тех чудесах, о которых от других он услышал.

Подумал Никифор и говорит:

— Ну, отчего ж не поделиться с тобой дивом, слушай!

И начал свою историю.

V.

Давно было дело, молод очень я был, как сейчас, помню, только-только женился. Жили мы с женой скромно, работу свою крестьянскую исправно выполняли, с людьми деревенскими ладили. Детей в ту пору ещё не нажили.

И вот однажды по весне урожай взошёл такой, что мы ему нарадоваться не могли. С каждым днём хлеба всё лучше становились, колосья наливались и к земле их даже тянуло. Мужики ходили такие счастливые в ожидании жатвы. Потому как лет двадцать не видали такого в деревне.

Но вот как только пришла пора урожай собирать, пошли дожди. Да такие сильные, что собаку из дома не выгонишь, не то что сам пойдёшь в поле. Ждали мы день, два, неделю, а дожди эти всё не заканчивались, а только пуще лились с небес. Приуныли, конечно, все в деревне, боялись, что обернётся эта непогода потерей урожая, а значит, зима будет голодная.

И вот в то время жил у нас в деревне мужик по имени Тить. Был он вовсе не старым, но уж больно умным и находчивым. Все дела у него в руках спорились. Поговаривали, будто бы он какую-то фразу такую волшебную знает, какая помогает ему во всём. Так вот, в один из таких дождливых дней, пошёл Тить в поле, а с собой прихватил много лестниц. Не поняли мы сначала, зачем он по всей деревне ходил, лестницы собирал. Побежали за ним, уж больно было интересно. А он в поле пришёл, одну лестницу в землю воткнул, другую в руки взял и по первой стал наверх забираться. А там, наверху,

вторую лестницу к первой-то и приделал. Потом спустился, взял третью лестницу, снова наверх забрался и снова приделал. Так собрал он бесконечную лестницу, до самого неба. Потом сходил он в деревню, взял метлу, повесил себе за спину и забрался по ней прям до самых облаков. А там стал ходить, да метлой тучи разгонять. И так целый день до самого вечера ходил, все тучи разогнал. Мужики внизу весь день так и простояли, рты раскрыв. Никто раньше таких диковин не видел. Спустился Тить, когда всё закончил и говорит:

— Мужики, что ж вы за мной весь день, рты разиня, наблюдаете? Вы же сами ждали окончания дождя, чтобы хлеба собрать. Так вот вам и погода отличная для работы.

Закивали мужики, зашептались между собой, однако, поздно уже было, стемнело. Разошлись все по домам, зато на следующий день с самого раннего утра вся деревня вышла урожай собирать. А Тить снова на облака залез, да ходил и следил за тем, чтоб никакая тучка не пробралась да не помешала. А в благодарность работяги и его полосы собрали, высушили снопы и к нему домой отвезли.

Так что в тот год урожай получился на славу. Долго ещё такого не было потом, а может и вовсе не бывало. Это ли не диво дивное?

Закончил свой рассказ Никифор, а в конце добавил:

— Но ты знаешь, Иван, ведь и это ещё не самое удивительное в мире. Живёт тут недалеко мудрец Селиван. Поговаривают, будто он уверен, что диво дивное вот-вот с ним случится, сидит его ждёт и предлагает всем желающим с ним ждать и смотреть. Так что, если у тебя есть время свободное...

Иван от радости даже захлопал в ладоши.

— Так это ведь и я смогу увидеть самое дивное диво! Расскажи скорее, как его найти. Я тут же поправлюсь в путь-дорогу.

Рассказал ему всё подробно Никифор. Недолго думая, Иван встал и в путь отправился. Найти Селивана было несложно: его все в ближайших деревнях знали, так что скоро и он его отыскал.

VI

Пришёл Иван к мудрецу, поздоровался и рассказал сразу, зачем пожаловал. Всю свою историю Селивану поведал, а в конце говорит:

— Позволь мне вместе с тобой диво дивное дожидаться, очень уж хочется мне на него поглядеть.

А мудрец ему на это и отвечает:

— Да вот только что я самое дивное диво и увидел!

Завертел Иван головой, закрутил в поисках чудес и необычностей. Не понял ничего и спрашивает:

— Как же так? Почему же я не вижу, где же диво?

— Так вот ты-то и есть диво дивное. Все мужики сейчас в поле работают, хлеб собирают, припасы к зиме готовят, а ты, хозяйство своё на матушку старенькую оставив, обо всём позабыл и шатаешься по свету белому, сказки слушаешь. Что же ты за мужик такой, впервые такого и вижу, это ли не диво?

Покраснел Иван от стыда, вмиг вспомнив, как давно он из дома ушёл.

— Спасибо тебе, мудрый Селиван, за то, что глава мне раскрыл! Совсем я запутался в поисках дива, дом родной без хозяина оставил.

Раскланялся Иван до земли и поторопился в свою деревню. Долго ли шёл, коротко ли, вернулся, наконец, домой, весь в лохмотьях, словно нищий. Мать его даже не узнала сначала, а как поняла, что сын вернулся, бранить его стала:

— Что же ты, балбес ты эдакий, меня на целый месяц одну оставил, мужики уже весь свой урожай по домам попрятали, у нас половина зёрен пообсыпалась, пока тебя не было.

Извинился Иван перед матушкой и с удвоенной силой за работу принялся. Всё оставшееся зерно собрал, всё, что надо было, в доме поправил, на охоту отправился, добычи много подстрелил, со всеми делами быстро разобрался.

В деревне заметили его отсутствие, стали расспрашивать, где он был да что делал. Пытался Иван скрыть свои похождения, но шила в мешке не утаишь. Разузнали мужики, как он диво дивное по белому свету искал, смеялись долго. А потом и вовсе прозвали его «Иван диво дивное». Так и жил он до конца дней своих с матушкой, потому что даже девки расхотели замуж за него идти.